

Дмитрий Мережковский

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д. С.

М52 Царство Антихриста / Д. С. Мережковский. – М. :
Т8RUGRAM, 2017. – 256 с.

ISBN 978-5-521-78694-7

Дмитрий Мережковский (1865–1941) – яркий представитель Серебряного века, писатель, поэт, один из основателей русского символизма, литературный критик, религиозный философ.

Книга «Царство Антихриста» – репринт издания 1921 года, в котором собраны общественно-политические, религиозно-философские и литературные статьи, созданные писателем за 20 лет эмиграции.

В центре внимания представленных трудов – судьба и дальнейшее развитие России после большевистского переворота. На страницах своих статей Мережковский не скрывает досады, боли и злости, вызванных впечатлением от кровавой революции 1917 года, свидетелем которой он стал.

УДК 82-3
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FV
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78694-7

© Т8RUGRAM, оформление, 2017

Д. С. М Е Р Е Ж К О В С К І И

З. Н. ГИППІУСЪ / Д. В. ФИЛОСОВЪ

В. А. ЗЛОБИНЪ

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

1 9 2 1

DREI MASKEN VERLAG, MÜNCHEN

ПРЕДИСЛОВІЕ

Нѣкоторыя статьи этой книги написаны около полугода тому назадъ. И протекающее время не только не опровергаетъ моихъ положеній, — оно ихъ подтверждаетъ.

Точка зрѣнія, съ которой въ книгѣ разсматриваются явленіе большевизма и событія Европы, позволяетъ видѣть внутреннюю ихъ логику и предугадывать, въ общихъ чертахъ, ихъ теченіе. Намъ, современникамъ, особенно трудно проникнуть въ главный смыслъ происходящаго; у насъ нѣтъ перспективы, мелкое порою заслоняетъ отъ насъ крупное, случайное и обманное покрываетъ истину. Понять, или хотъ приблизиться къ пониманію происходящаго въ его сути, уловить единую линію, можно лишь ставъ на самую глубокую точку зрѣнія — религіозную. Подъ этимъ вѣчнымъ знакомъ и написаны статьи моей книги.

Европа изасидетъ мира и спокойнаго труда. И обманываетъ себя, думая, что можетъ достигъ успокоенія, пока Россія задыхается подъ игомъ новыхъ варваровъ. Обманываетъ себя, считая, что можетъ экономически преуспѣвать, пока цѣлый сосѣдній народъ вымираетъ отъ голода, убѣждая себя, что застрахована отъ внутреннихъ потрясеній, хотя у III Интернаціонала есть такая база, какъ Россія. Обманываетъ себя, ибо закрываетъ глаза на религіозную сущность властвующаго въ Россіи Интернаціонала, на главный принципъ его, отъ котораго онъ можетъ отказаться, лишь переставъ существовать.

Рано или поздно Европа это пойметъ. Мы хотѣли бы вѣрить, что пойметъ не слишкомъ поздно.

Въ книгѣ, въ моихъ статьяхъ, я и теперь не могъ бы измѣнить ни одного слова. Есть лишь одна частность, о которой хочу упомянуть. Это моя обманутая вѣра въ Польшу. Я вѣрилъ въ душу, сердце и разумъ братскаго польскаго народа. Я и теперь вѣрю въ его душу, если эта душа — безсмертный польскій мессіаниззмъ. Но ослѣпленный разумъ Польши закрылъ ея душу и сердце. Миръ, который она подписала съ большевиками — уничтожилъ или отдалилъ на долгіе годы миръ ея съ Россіей, такой насущно-необходимый обьѣмъ сосѣднимъ странамъ. Не видѣть этого можетъ только тотъ, кто не видитъ возможности воскресенія Россіи, или не хочетъ его.

И совсѣмъ не въ условіяхъ рижскаго мира дѣло, не въ томъ, «выгодны или нѣтъ для Россіи». Россія нѣтъ, и не съ Россіей, а съ ея мотыльшими врагами Польша заключила миръ, узея для нихъ-то во всякомъ случаѣ, выгодный. Съ этой точки зрѣнія безразличны условія мира; существуетъ только одно: фактъ мира.

Я самый убѣжденный сторонникъ безусловной свободы самоопредѣленія національностей. Я совершенно увѣренъ, что если бы Польша отнеслась къ сосѣднему братскому народу сознательно, если бы она поняла смыслъ своей августовской побѣды, этого «чуда надъ Вислой», и черезъ двѣ-три недѣли стала бы разговаривать съ Россіей (освобожденной) — эта Россія не стала-бы торговаться съ нею. Русскій народъ давно понималъ, что лучше имѣть малую территорію, чѣмъ никакой. Сейчасъ онъ не имѣетъ никакой: все большевистскія.

Повторяю: мы, пережившіе и понявшіе большевизмъ въ Россіи, мы неизмѣнные и твердые сторонники свободной жизни и самостоятельности всѣхъ народностей, даже самыхъ мелкихъ. Всѣхъ, кто этой свободы позавидуетъ и пока будетъ находить возможнымъ и выгоднымъ для себя существовать самостоятельно. Это такъ ясно, и необходимость предоставленія свободы другимъ такъ очевидна для насъ, русскихъ, знающихъ цѣнность свободы, — что мы лишь можемъ удивляться опасному ослѣпленію многихъ въ Европѣ.

Не «территорій», не «границъ» не проститъ Польша будущая Россія; а самого мира съ ея палачами. Не проститъ и Польша Россіи: вѣдь мы труднее всего прощаемъ тому, кому мы сдѣлали зло. Не страшна-ли эта грядущая, длительная вражда — пусть даже не война, но вражда, -- двухъ народовъ, вражда вопреки разуму, требующему отъ нихъ мира и дружеслюбія?

Вѣра въ Польшу, которая диктовала мнѣ многія строки въ этой книгѣ, — превратилась нынѣ въ боль за Польшу. Я слишкомъ люблю ея сердце, — ея исторію, ея великихъ людей, Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Тoviaнскаго, — всю ея героическую борьбу, проходившую подъ четырехконечнымъ знакомъ — знакомъ Креста. И вотъ, на порогъ своего возрожденія Польша Кресту измѣнила. Не предстоитъ-ли ей Голгоза новая?

Подъ вѣчнымъ знакомъ Креста нынѣ начинается медленное, тяжкое, но крѣпкое возстаніе Россіи изъ пепла. Это уже не вѣра наша — это мы знаемъ, это дѣйствительность. Какъ бы ни были времена и сроки, обѣщаніе не обманетъ. Третья, новая, свободная, святая Россія — идетъ.

Іюнь, 1921 г.

Д. М.

Парижъ.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ
ЦАРСТВО АНТИХРИСТА
Большевизмъ, Европа и Россія

I

«Большевизмъ и Россія», — если такъ ставился вопросъ еще недавно, то теперь уже не такъ. Не «большевизмъ и Россія», а «большевизмъ, Европа и Россія», — вотъ какъ сейчасъ онъ поставленъ всемірно-историческими судьбами, русскими и европейскими.

Между нынѣшней Россіей, большевистскою, и Россіей будущей, освобожденною, Европа, хочетъ того или не хочетъ, будетъ вдвинута. Сколько бы не открещивалась отъ «вмѣшательства», — рано или поздно, вмѣшается, двинется.

Какъ интернаціоналенъ, въ существѣ своемъ, въ Интернаціоналѣ, самъ большевизмъ, такъ и борьба съ нимъ должна быть интернаціональною, всемірною. Когда послѣдній русскій національный фронтъ палъ или ушелъ въ глубь Россіи, въ неизбежную революцію, — это ясно, чѣмъ когда-либо. Национальный фронтъ палъ — обнажился фронтъ всемірный.

Этотъ часъ, когда я съ вами говорю, есть часъ всемірности, и это мѣсто, гдѣ я съ вами говорю, — есть мѣсто всемірности: Парижъ — городъ всемірный по преимуществу. Вотъ почему, если когда-либо, то отны-

нѣ, и если гдѣ-либо, то отсюда, борьба съ большевизмомъ должна сдѣлаться всемірною.

Да, между большевизмомъ и Россіей будетъ двинута Европа. Это очень трудно понять европейцамъ. Но, какъ имъ ни трудно, — мы, русскіе, должны сдѣлать, чтобы они наконецъ это поняли.

Европейцы этого не поймутъ, пока мы, русскіе, сами не поймемъ, что большевизмъ можетъ быть побѣжденъ только «Третьей Россіей».

Что такое Третья Россія?

Россія первая — царская, рабская; Россія вторая — большевистская, хамская; Россія третья — свободная, народная.

Но, прежде чѣмъ говорить о существѣ Третьей Россіи, должно сказать о ведущихъ къ ней путяхъ.

На этихъ путяхъ все русское изгнаніе, русское «разсѣяніе», уже подобное великому разсѣянію Израиля — *diaspora* — дѣлится на-двое: на знающихъ и не знающихъ о томъ, что сейчасъ происходитъ въ Россіи.

Не застигнутые полднемъ большевистскаго ужаса въ самой Россіи, успѣвшіе бѣжать, — не знаютъ всего, а не знать объ этомъ всего — ничего не знать. Кто этого самъ не видѣлъ, не испыталъ, не пережилъ, тотъ никогда ничего не узнаетъ.

Между знающими и незнающими — черта, подобная чертѣ смерти: живые — мертвыхъ, мертвые живыхъ не разумѣютъ. «Между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ». Мы и вы — тотъ свѣтъ и этотъ.

О томъ свѣтѣ мы вамъ ничего сказать не можемъ. Между нами и вами — стѣна стеклянная. Вы видите, слышите, но не осязаете главнаго. Главное